

ИСТОРИЯ

HISTORY

УДК 94(47)

doi: 10.21685/2072-3024-2025-1-1

Имперский опыт Российской империи: Великое княжество Финляндское во второй половине XIX – начале XX в.

Н. Г. Карнишина

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

karnishins@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Актуальность работы определяется необходимостью с новых позиций переосмыслить имперский опыт проведения национальной политики Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. в Великом княжестве Финляндском. *Цель исследования* – изучить особенности и результаты проведения национальной политики Российской империи на примере Великого княжества Финляндского во второй половине XIX – начале XX в. через призму взглядов и оценок современников. *Материалы и методы.* Исследование проведено на базе принципов исторической науки: объективности, историзма и системности. Системно-структурный метод использован автором для изучения принципов и методов проведения национальной политики на примере Великого княжества Финляндского. Историко-антропологический подход применен при изучении записок и публикаций современников – российских и финских политиков, историков, правоведов, представителей высшей бюрократии по поводу статуса Финляндии в составе империи. Применение сравнительно-исторического метода исследования позволило проанализировать особенности положения Финляндии в составе Российской империи. При анализе материалов периодической печати был использован метод контент-анализа прессы. *Результаты.* Решена основная задача – на основе широкого комплекса источников изучить опыт проведения национальной политики правителей Российской империи второй половины XIX – начала XX в. на территории Великого княжества Финляндского и его оценку современниками. *Выводы.* Вторая половина XIX в. характеризовалась изменениями во внутренней политике, выразившихся не только в проведении широкомасштабных реформ, но и в изменении подходов к национальной политике царского правительства. События 1860-х гг. и последовавшие за ними изменения коснулись и положения Великого княжества Финляндского. Период от начала реформ Александра II до проектов преобразований П. А. Столыпина был знаковым для Западного края в плане поиска царским правительством оптимальной модели управления этими территориями. Полемика по этому вопросу вышла из министерских кабинетов на страницы периодической печати. Анализ мнений представителей образованного общества по поводу статуса Финляндии в составе империи позволил составить представление о подходах к реализации национальной политики на окраинах государства и совокупности факторов, влиявших на формы и методы ее проведения.

Ключевые слова: национальная политика, имперский опыт, Великое княжество Финляндское, автономия, статус русского языка

Для цитирования: Карнишина Н. Г. Имперский опыт Российской империи: Великое княжество Финляндское во второй половине XIX – начале XX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2025. № 1. С. 5–13. doi: 10.21685/2072-3024-2025-1-1

The imperial experience of the Russian empire: the Grand Duchy of Finland in the second half of the 19th – early 20th centuries

N.G. Karnishina

Penza State University, Penza, Russia

karnishins@mail.ru

Abstract. *Background.* The relevance of the work is determined by the need to rethink the imperial experience of the national policy of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries from a new perspective in the Grand Duchy of Finland. The purpose of the work is to study the features and results of the national policy of the Russian Empire using the example of the Grand Duchy of Finland in the second half of the 19th – early 20th centuries through the prism of the views and assessments of contemporaries. *Materials and methods.* The research is based on the principles of historical science: objectivity, historicism and consistency. The system-structural method is used by the author to study the principles and methods of conducting national policy on the example of the Grand Duchy of Finland. The historical and anthropological approach is applied to the study of notes and publications of contemporaries – Russian and Finnish politicians, historians, jurists, representatives of the highest bureaucracy regarding the status of Finland within the empire. The application of the comparative historical research method made it possible to analyze the peculiarities of Finland's position within the Russian Empire. When analyzing the materials of the periodical press, the method of content analysis of the press was used. *Results.* During the writing of the article, the main task was solved – based on a wide range of sources to study the experience of the national policy of the rulers of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries on the territory of the Grand Duchy of Finland and its assessment by contemporaries. *Conclusions.* The second half of the 19th century was characterized by changes in domestic policy, expressed not only in the implementation of large-scale reforms, but also in changing approaches to the national policy of the tsarist government. The events of the 1860s and the subsequent changes affected the position of the Grand Duchy of Finland. The period from the beginning of Alexander II reforms to P.A. Stolypin's transformation projects was a landmark for the Western Region in terms of the tsarist government's search for an optimal management model for these territories. The controversy on this issue has spread from the ministerial offices to the pages of the periodical press. The analysis of the opinions of representatives of educated society about the status of Finland within the empire allowed us to get an idea of the approaches to the implementation of national policy on the outskirts of the state and the totality of factors that influenced the forms and methods of its implementation.

Keywords: national policy, imperial experience, Grand Duchy of Finland, autonomy, status of the Russian language

For citation: Karnishina N.G. The imperial experience of the Russian empire: the Grand Duchy of Finland in the second half of the 19th – early 20th centuries. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2025;(1):5–13. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2025-1-1

Попытки исследования имперского опыта Российской империи периода XIX – начала XX в. неизбежно приводят исследователя к необходимости учета исторического контекста при проведении национальной политики царским правительством. Кроме того, факт неоднородности территории империи во всех ее составляющих (политической, конфессиональной, экономической, географической, социокультурной) требует изучения положения каждой национальной окраины в историческом и правовом контексте с учетом времени и обстоятельств ее вхождения в состав Российской империи. Кроме того, феномен персонализации царской власти в России проявляется в данном контексте в необходимости учета позиции правителя в национальном вопросе, его взглядов и убеждений, а также характеристик представителей бюрократии как в столице, так и на национальных окраинах.

Пример Великого княжества Финляндского, на наш взгляд, является для исследователя весьма показательным с точки зрения как правового статуса территории, так и динамики развития и изменения национальной политики России в рассматриваемый период. Положение Финляндии в составе империи было всегда в центре внимания политиков и правоведов XIX в., подчас вызывая полемику как в среде высшей бюрократии, так и на страницах периодических изданий.

Присоединение Финляндии к России было закреплено Фридрихсгамским мирным договором от 5 (17) сентября 1809 г., в первой статье которого было записано: «Мир, дружба и доброе согласие пребудут отныне между его Величеством императором Всероссийским и его Величеством королем Шведским» [1, с. 5]. Александр I подчеркивал: «Намерение мое при устройстве Финляндии состояло в том, чтобы дать народу сему бытие политическое, чтобы он не считался поработленным Россией, но привязанным к ней собственными его очевидными пользами, для чего сохранены ему не только гражданские, но и политические его законы» [2, с. 35–36]. Александр I обязался не назначать в Финляндию русских чиновников, сохранять в ней собственный законодательный орган и сложившуюся правовую систему, в том числе прежнюю конституцию Швеции. Шведский язык в качестве государственного продолжал действовать, сохранялась прежняя денежная единица – марка. Финляндия получила право иметь свою полицию и вооруженные силы. Многие исследователи на основании этих данных утверждали, что Финляндия, формально признаваемая автономией в составе Российской империи, на самом деле находилась в унии с Россией.

Так, Р. Эрх писал: «Актом, врученным торжественно Земским Чинам Финляндии в Боргоском соборе в 1809 г., основной закон Шведского королевства был утвержден как финляндская конституция для сохранения его в полной и непоколебимой силе. В течение почти всего XIX в. в Финляндии даже не знали, что это может подлежать сомнению» [3, с. 95].

Сословное представительство в лице Сейма сохранилось после присоединения Финляндии к России. Александр I получил титул Великого князя Финляндского, русские цари ни разу не созывали Сейм вплоть до 1863 г. Начиная с 1863 г. Сейм стал регулярно созываться сначала раз в пять лет, а затем – раз в три года [4, с. 9].

На фоне проходившей в России судебной реформы сенатор А. А. Половцов в середине 1860-х гг. особо отмечал, например, тот факт, что «по особым

политическим обстоятельствам Генерал-губернаторам Северо-Западного и Юго-Западного края предоставлены Высочайшей властью права на управление подведомственными им губерниями, а в том числе право увольнять от должности мировых посредников, назначенных на вакантные должности по своему избранию, вполне благонадежных лиц, как из кандидатов на юридические должности, так и из других лиц военного и гражданского ведомств. Однако начальникам губерний, входящих в состав этого края, отдано Генерал-губернатором распоряжение по предмету назначения и увольнения мировых посредников и кандидатов передать Правительственному Сенату» [5, с. 1]. Сенатор подчеркивал, что в этом вопросе в ходе введения новых Судебных Уставов генерал-губернатор сделал исключение для Великого княжества Финляндского, сохранив полномочия высшего органа западной окраины.

Новый Сеймовый устав был принят в 1869 г., тогда же произошла реорганизация представительных собраний в лютеранской церкви Финляндии и общинной представительной системы. Сейм в таком виде сохранялся до 1906 г. В годы правления Николая II был издан указ 1899 г., предусматривавший применение к Финляндии общероссийского законодательства, если тот или иной вопрос затрагивал общероссийские интересы, что выражало стремление царского правительства ограничить автономию Финляндии, привести финляндскую государственно-правовую систему в соответствие с российской, в том числе в административном, законодательном, военном и языковом отношениях, что вызвало неоднозначную реакцию и в русском, и в финском обществе. В 1906 г. Николай II подписал Сеймовый устав, которым предусматривалось образование однопалатного сейма, избираемого на основе всеобщего и прямого избирательного права.

Большинство финляндских и российских ученых определяли статус Финляндии в составе России как автономный. Так, Ю. Бромsted отмечал, что хотя с того времени, как был, наконец, собран и начал постоянно функционировать Сейм, Финляндия получила государство в виде Великого княжества, но в «период патриархального правления императоров Александра I и Николая I этот статус оставался декларацией», так как зависел от воли царя. Только при «либеральном правлении Александра II была создана возможность для подлинной автономии», поскольку регулярно стало созываться четырехсословное представительное учреждение [6, с. 10–11].

Р. Германсон в статье «Соображение относительно нынешнего положения Финляндии» от 19 ноября 1907 г. высказал свое мнение о положении княжества в составе Российской империи. Он отмечал: «Никто не утверждал серьезно, что Финляндия находится в личной унии с Россией, т.е. связана с ней единственно личностью монарха. Вопрос о том, оставил ли император Александр I шведские основные законы в силе как основные законы Финляндии, может быть разрешен независимо от научной проблемы о характере связи между Россией и Финляндией. Наконец, земские чины Финляндии прямо признали, что Финляндия является частью Российского государства. Я со своей стороны признаю, что Финляндия благодаря утверждению своих основных законов получила в Российском государстве положение страны с собственной конституцией, которая может быть изменена и отменена не иначе, как в порядке, предписываемом той же конституцией» [7, с. 3]. «Финский народ, – продолжает Р. Германсон, – твердо придерживается точки

зрения, что он составляет отдельную нацию, созданную минувшими веками независимости от человеческих планов и расчетов» [7, с. 5].

Р. Германсон признавал, что по поводу правового положения Финляндии в составе Российской империи у авторов и политиков нет единодушия. Автор указывал: «В Финляндии известно, что в некоторых кругах в России не сочувствуют финской автономии и не признают основных законов Финляндии, а, наоборот, считают усилия, направляемые к отмене их, патриотическим делом. В России неоднократно порицали способ толкования финнами их законов. Но подчас финны прямо поражены толкованием противной стороны» [7, с. 12–13].

Не только финские, но и русские государствоведы И. Е. Энгельман и А. В. Романович-Славатинский признавали Финляндию государством, находящимся с Россией в реальной унии. Русские государствоведы положительно оценивали опыт Финляндии в окраинной политике Российской империи. Например, М. Н. Ступин в работе «Основы государственного устройства России и государственного права русского народа в прошлом и настоящем; Новая Государственная дума», изданной в 1905 г., выразил взгляды части сторонников широкомасштабных реформ. По его мнению, «современное государственное устройство страны может быть в полном соответствии с прошлым, т.е. являться лишь естественным развитием прежнего устройства. Самобытный идеал русской народности – это исторически врожденное ей сознание полной возможности государственного сожительства под одной общей властью совершенно автономных государственных тел» [8, с. 24–25].

Н. Авинов в статье в «Московском еженедельнике» высказывал свое мнение: «Государственное единство – это политический признак, который легко провозгласить, но который провести в жизнь очень сложно. Государственное единство в таком огромном политическом целом, как Россия, достигается не подчинением всего административного строя одному установленному для центра шаблону, а приспособлением его к культурным особенностям отдельных частей государства, без ущерба высшим политическим интересам империи. Это положение в отношении Финляндии ясно осознавалось русскими государями, что не раз подтверждено было манифестами и другими актами, заключавшими в себе выражение высочайшей воли» [9, с. 9–10].

В материалах периодической печати, в официальных записках представителей высшей бюрократии часто можно встретить критику отдельных направлений окраинной политики центральной и местных властей. Российскую администрацию критиковали за либерализм, космополитизм, чиновничье равнодушие к интересам империи и забвение русских интересов. Например, консервативная публицистика конца XIX – начала XX в. содержит критику всех аспектов внутренней политики российских властей на западных окраинах империи, обвиняя их в так и не состоявшейся русификации западных русских окраин [10, с. 574].

Именно в отношении Финляндии многие авторы критиковали проводимую правительством национальную политику. Профессор В. М. Грибовский в своей работе «Государственное устройство и управление Российской империи (из лекции по русскому государственному и административному праву)», изданной в 1912 г., по поводу правового статуса Финляндии в составе Российской империи писал: «В составе Российской империи до настоящего

времени существовала особая привилегированная часть русского государства. Сущестующее деление империи имеет лишь административный характер, за исключением Финляндии, обладающей своеобразным привилегированным положением» [11, с. 33–34].

Автор с одобрением отнесся к изменениям, введенным законом от 17 июня 1910 г., согласно которому были установлены разряды общеимперских дел и порядка их разрешения при посредстве имперского парламента, в котором введены данным законом представители от Финляндии. Этим законом было резко подчеркнуто подчиненное положение Финляндского княжества, «законодательству которого отныне отводится тесный круг нормирования чисто местных интересов из единства империи, представляющей собой единое государственное тело, единство территории русского государства» [11, с. 35].

Л. Мелехин в своих многочисленных публикациях проводил тезис, весьма широко распространенный в кругах финских политиков и публицистов. По его мнению, «главный представитель государственной власти в крае есть не генерал-губернатор, а Императорский Финляндский Сенат, генерал-губернатор – председатель Сената и, вместе с тем, начальник гражданской исполнительной власти, а также на тех отношениях, в которых он фактически находится к особе монарха. В области законодательной, а также в других делах внутренней государственной жизни власть государства выполняется в Финляндии согласно с основными законами стран без подчинения суверенитету империи» [12, с. 2].

Критикуя все попытки царского правительства распространить на Финляндию общеимперское законодательство, Л. Мелехин писал: «Финляндский закон не может быть заменен русским или общеимперским законом, т.к. тут дело идет об удовлетворении интересов и охране правовой обеспеченности финляндского общества» [13, с. 16].

М. Горенберг в статье «Запрос о действиях финляндского министра статс-секретаря» был еще более категоричен: «Законодательство русской империи не находится к законодательству финляндскому в таких отношениях как законодательство общее к местному. Законы русские не только не имеют преимущественной силы перед законами финляндскими, но за некоторыми исключениями и не действуют вовсе по общему правилу на финляндской территории. Имперские законы не имеют преимуществ перед законами финляндскими» [14, с. 417–418].

Б. Э. Нольде в работе «Очерки русского государственного права» довольно подробно остановился на анализе данного подхода финских правоведов. По его мнению, «когда в законе говорится, что Финляндия находится в державном обладании Российской империи, то складывается представление, будто она стоит вне империи, что империя противопоставляется Великому Княжеству как особому подчиненному государству. Автономия Финляндии возникла гораздо позднее других автономий, и она пережила такую историческую грань, которую другие автономии не переходили – грань между старым политическим кругозором и кругозором современным. Это не могло не отразиться на ней. Из реформ 1860-х гг. выдвинута была в России совершенно новая программа по финляндскому вопросу, программа так называемого общеимперского законодательства. Русский законодатель до 1910 г.

шел классическим путем отмены прав и привилегий автономных русских областей» [15, с. 469, 547, 552].

Известный российский юрист С. А. Котляревский в статье «Финляндские дела» констатировал: «Открытие комиссии по русско-финляндским делам, которая должна была выработать порядок рассмотрения общих дел, лишний раз подчеркнула всю чрезвычайную трудность, чтобы не сказать безнадежность компромисса между взглядами, широко распространенными в русской правительственной среде, и взглядами, еще более широко распространенными в Финляндии» [16, с. 4–5].

По сути, полемика пореформенного периода по поводу положения Финляндии в составе Российской империи демонстрировала противостояние просвещенной бюрократии и консервативно настроенной части русского общества относительно статуса национальных окраин империи и в целом государственного устройства страны [17, с. 144].

А. П. Владимиров в своей статье в «Русском обозрении» в 1894 г. выразил мнение части высшей бюрократии, отмечая, что «слабость правительственной политики на западных окраинах состоит в ее непоследовательности, отсутствии строгой системы, зависимости от личных взглядов правителей края, вследствие чего одним правителем отменялось и разрушалось то, что было сделано его предшественником» [18, с. 223].

Некоторые авторы рассматривали статус Финляндии как пример для последующих изменений национально-государственного устройства страны. В то же время ряд политиков и правоведов считали предоставление автономии данной территории ошибкой, выступая за унификацию статуса всех национальных окраин Российской империи. Полемика то разгоралась, то затихала, но не прекращалась на протяжении всего XIX в. и особенно усилилась во время премьерства П. А. Столыпина. На наш взгляд, существование в составе Российской империи на протяжении более ста лет национальной окраины с широкой автономией с сохранением конфессиональной и языковой самостоятельности подтверждает отсутствие в национальной политике Российской империи жестких принципов тотальной унификации и русификации.

Список литературы

1. Россия и Швеция. Документы и материалы. 1809–1818. М. : Международные отношения, 1985. 572 с.
2. Акты для выяснения политического положения Великого княжества Финляндского. СПб. : Слово, 1908. 86 с.
3. Эрих Р. Государственно-правовое положение Финляндии в освещении иностранных юристов. СПб., 1908. 95 с.
4. Могунова М. А. Государственное право Финляндии. М. : Городец, 2005. 368 с.
5. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 600. № 777.
6. The Finnish legal system / ed. by J. Uotila. Helsinki : Union of Finnish Lawyers Publishing Company, 1966. 263 p.
7. Германсон Р. Соображение относительно нынешнего положения Финляндии. СПб. : Тип. Ю. Мансфельд, 1907. 15 с.
8. Ступин М. Н. Основы государственного устройства России и государственного права русского народа в прошлом и настоящем; Новая Государственная дума. СПб. : Н. К. Мартынов, 1905. 123 с.

9. Авинов Н. Финляндский вопрос в Государственной Думе // Московский еженедельник. 1908. № 7 (3). С. 8–17.
10. Иванов А. А., Котов А. Э., Степанов В. Л. [и др.]. Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917) / отв. ред. Д. Г. Янченко, М. В. Ходяков. 2-е изд. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2021. 660 с.
11. Грибовский В. М. Государственное устройство и управление Российской империи (из лекций по русскому государственному и административному праву). Одесса : Техник, 1912. 258 с.
12. Мелехин Л. К вопросу о финляндской автономии и основных законах. Критика брошюры К. Д. Сергеевского : пер. со швед. Берлин : Тип. Розенталя и К°, 1903. 170 с.
13. Мелехин Л. К вопросу о ближайшем определении правовых отношений между Россией и Финляндией : пер. со швед. Гельсингфорс : Акционерное общество Г. В. Эдлунд, 1909. 142 с.
14. Горенберг М. Запрос о действиях финляндского министра статс-секретаря // Право. 1908. № 8. С. 417–421.
15. Нольде Б. Э. Очерки русского государственного права. СПб. : Правда, 1911. 554 с.
16. Котляревский С. А. Финляндские дела // Московский еженедельник. 1909. № 25. С. 1–7.
17. Карнишина Н. Г. Концепция национального государства в теории российского конституционализма начала XX в. // Вестник Академии права и управления. 2011. № 25. С. 141–147.
18. Владимиров А. П. О русском землевладении в Северо-Западном крае // Русское обозрение. 1894. № 7. С. 176–226.

References

1. *Rossiya i Shvetsiya. Dokumenty i materialy. 1809–1818 = Russia and Sweden. Documents and materials. 1809–1818.* Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1985:572. (In Russ.)
2. *Akty dlya vyясneniya politicheskogo polozheniya Velikogo knyazhestva Finlyandskogo = Acts to clarify the political situation of the Grand Duchy of Finland.* Saint Petersburg: Slovo, 1908:86. (In Russ.)
3. Erikh R. *Gosudarstvenno-pravovoye polozheniye Finlyandii v osveshchenii inostrannykh yuristov = The state and legal position of Finland in the light of foreign lawyers.* Saint Petersburg, 1908:95. (In Russ.)
4. Mogunova M.A. *Gosudarstvennoye pravo Finlyandii = State law of Finland.* Moscow: Gorodets, 2005:368. (In Russ.)
5. *Otdel rukopisey Rossiyskoy natsional'noy biblioteki (OR RNB). F. 600. № 777 = Department of Manuscripts of the Russian National Library. Fund 600. No. 777.* (In Russ.)
6. Uotila J. (ed.). *The Finnish legal system.* Helsinki: Union of Finnish Lawyers Publishing Company, 1966:263.
7. Germanson R. *Soobrazheniye otnositel'no nyneshnego polozheniya Finlyandii = Considerations regarding the current situation in Finland.* Saint Petersburg: Tip. Yu. Mansfel'd, 1907:15. (In Russ.)
8. Stupin M.N. *Osnovy gosudarstvennogo ustroystva Rossii i gosudarstvennogo prava russkogo naroda v proshlom i nastoyashchem; Novaya Gosudarstvennaya дума = Fundamentals of the state structure of Russia and the state law of the Russian people in the past and present; New State Duma.* Saint Petersburg: N.K. Martynov, 1905:123. (In Russ.)
9. Avinov N. The Finnish question in the State Duma. *Moskovskiy yezhenedel'nik = Moscow Weekly.* 1908;(7):8–17. (In Russ.)

10. Ivanov A.A., Kotov A.E., Stepanov V.L. et al. *Tsentr i regiony: ekonomicheskaya politika pravitel'stva na okrainakh Rossiyskoy imperii (1894–1917) = Center and regions: government economic policy on the outskirts of the Russian Empire (1894–1917)*. 2nd ed. Saint Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2021:660. (In Russ.)
11. Gribovskiy V.M. *Gosudarstvennoye ustroystvo i upravleniye Rossiyskoy imperii (iz lektsiy po russkomu gosudarstvennomu i administrativnomu pravu) = State structure and governance of the Russian Empire (from lectures on Russian state and administrative law)*. Odessa: Tekhnik, 1912:258. (In Russ.)
12. Melekhin L. *K voprosu o finlyandskoy avtonomii i osnovnykh zakonakh. Kritika broshyury K.D. Sergeevskogo: per. so shved. = On the issue of Finnish autonomy and fundamental laws. Criticism of K.D. Sergeevsky's brochure: translated from Swedish*. Berlin: Tip. Rozentalya i K°, 1903:170. (In Russ.)
13. Melekhin L. *K voprosu o blizhayshe opredelenii pravovykh otnosheniy mezhdru Ros-siyey i Finlyandiyey: per. so shved. = On the issue of the immediate definition of legal relations between Russia and Finland: translated from Swedish*. Gel'singfors: Aktsion-ernoye obshchestvo G.V. Edlund, 1909:142. (In Russ.)
14. Gorenberg M. Inquiry into the actions of the Finnish Minister of State Secretary. *Pravo = Law*. 1908;(8):417–421. (In Russ.)
15. Nol'de B.E. *Ocherki russkogo gosudarstvennogo prava = Essays on Russian State Law*. Saint Petersburg: Pravda, 1911:554. (In Russ.)
16. Kotlyarevskiy S.A. Finnish affairs. *Moskovskiy yezhenedel'nik = Moscow Weekly*. 1909;(25):1–7. (In Russ.)
17. Karnishina N.G. The concept of the national state in the theory of Russian constitution-alism of the early 20th century. *Vestnik Akademii prava i upravleniya = Bulletin of the Academy of Law and Management*. 2011;(25):141–147. (In Russ.)
18. Vladimirov A.P. On Russian land ownership in the North-West region. *Russkoye oboz-reniye = Russian review*. 1894;(7):176–226. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Наталья Геннадьевна Карнишина
 доктор исторических наук,
 профессор, профессор кафедры
 истории Отечества, государства
 и права, Пензенский государственный
 университет (Россия, г. Пенза,
 ул. Красная, 40)

Natalia G. Karnishina
 Doctor of historical sciences,
 professor, professor of the sub-
 department of the history of Russia,
 state and law, Penza State University
 (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: karnishins@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no con-flicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 10.01.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 28.01.2025

Принята к публикации / Accepted 15.02.2025